

Глава 38. Опавшие искры светильника

На маленькой жаровне неспешно томилось вино, пуская ленивые пузырьки пара. Повозка мерно катилась по щербатой мостовой, оглашая окрестности протяжным скрипом колёс.

В этот час город только пробуждался. Торговки на утреннем рынке выставляли на столы первые корзины с дымящимися баоцзы и разливали по чашкам крепкий дешёвый чай, давая соседям повод посудачить о последних новостях.

Юноша сидел за одним из таких столов, безучастно пережёвывая обжигающе горячую сладкую булку. Его лицо, покрытое наспех перевязанными ранами, выглядело пугающе, но соседней горожан куда больше занимали вчерашние события.

— Вчера весь Дунли заливало ливнем... — заговорщицки шептал один. — Я как раз выбежал во двор зерно собрать, так вот клянусь: вода в канавах была красной от крови...

— А вы слышали? — подхватил другой. — Этот демон-почтенный Пэй Буцзюэ, говорят, лют и беспощаден сверх всякой меры. В прошлый раз перерезал толпу даосов, чтобы похитить человека, а вчера и вовсе устроил в Дунли кровавую баню!

— Но разве в Дунли не живут сильнейшие из бессмертных? — недоумевал третий. — Что же это за Пэй Буцзюэ такой? Неужто у него три головы и шесть рук, а рожа зелёная и с клыками?

— Пойдите... А кого же он похитил-то?

— Дочка моя в своих книжках вычитала, что это и вовсе мужчина! — встряла торговка. — Говорит, это называется... «В гневе сокрушил мир ради прекрасного мужа»!

— Ого!

Слушая эти нелепые слухи, Оуян Тин должен был бы рассмеяться, но к горлу подступила тошнота. Картины вчерашнего побоища вновь всплыли перед глазами, заставляя руку, привыкшую сжимать меч, мелко дрожать.

Пэй Буцзюэ... Тот человек и был демон-почтенный Пэй Буцзюэ.

Он не был в самом центре схватки, но разве это имело значение? Этот человек — один, лишь с верным клинком — сумел поставить на колени весь Дунли.

Теперь на каждой плитке этого древнего города, на каждой его улице остался неизгладимый след его воли. Подобно имени Дуань Иньхэ, высеченному на багровом камне у городских ворот, демон-почтенный стал для праведных заклинателей неоспоримым и пугающим фактом.

Вчера Оуян Тин хотел бежать, но страх сковал его. Он не был Дуань Иньхэ — он не мог с безмятежным лицом перебирать струны посреди хаоса битвы. Смертельно напуганный, юноша лишь прятался под старым каменным мостом, молясь, чтобы эта катастрофа поскорее закончилась.

Раньше он считал себя одаренным избранником небес. Пока не осознал пропасть, отделяющую его от истинных гениев.

Первый раз это случилось два года назад, на Турнире испытания мечей, когда Дуань Иньхэ с одного взгляда постигал суть чужих приемов.

Второй раз — вчера, когда он воочию увидел, как рушатся скалы и замирают воды. Оуян Тин понял: его «сердце дао», мнившее себя способным одним ударом сокрушить мириады преград, рассыпалось в прах перед мечом Пэй Буцзюэ.

Мня себя бессмертным в погоне за вечной жизнью, он лишь при виде истинного неба осознал, что жизнь его ничтожна, как у подёнки.

Заклинатель машинально жевал булку, размышляя о тайном приказе, пришедшем из школы.

После битвы в Дунли мастера стадии Великого Просветления, вечно кичившиеся своим беспристрастием, с суровыми лицами собрались в Альянсе Бессмертных. Они принесли клятву на сердце, пообещав во что бы то ни стало уничтожить демона силами всех праведных орденов.

Шутка ли — за один день в Дунли пало больше великих мастеров, чем за всё минувшее тысячелетие.

В их речах Пэй Буцзюэ представал зловещей звездой, несущей гибель миру. Но в глубине души каждый из них был уверен: причина такой мощи в том, что демон заполучил «кость меча».

Каждый жаждал его смерти, и каждый втайне мечтал занять его место — обрести такую же силу и совершать невысказанные прорывы.

Однако Оуян Тину эти надежды казались безумием.

Разве можно убить столь ужасающее существо?..

— Две чаши соевого молока. И сахару побольше.

Скрип колёс стих, и неподалеку раздался звонкий, чуть насмешливый голос. Услышав его, Оуян Тин выронил булку — она покатила по пыльной земле, собирая грязь.

Пэй Буцзюэ сидел в экипаже, сощурился свои длинные фениксовые глаза в притворно-мягкой улыбке. Он лениво поигрывал складным веером, а услышав разговоры прохожих, поддавшись велению каприза и кончиком веера приподнял расшитую жемчугом занавеску. Ослепительно прекрасное лицо демона-почтенного предстало перед взором юноши.

Алая родинка в уголке глаза, наполовину скрытая нитями жемчуга, манила взгляд, не давая отвести взор.

Торговка подала ему молоко, не удержавшись от похвалы: мол, какой статный красавец, словно сошедший с картины. Подойдя ближе, она заметила на другой стороне повозки молодого господина в тяжёлом плаще. Его чёрные волосы волной стекали по плечам, а на губах играла кроткая улыбка.

«Поистине, небожители!» — ахнула она про себя.

Обернувшись, женщина увидела упавшую еду гостя и громко прикрикнула:

— Парень, да что ж ты так! Булочки-то вкусные, держать крепче надо!

Оуян Тин натянуто кивнул и, бросив на стол несколько медных монет, хотел было поскорее убраться прочь.

Но Пэй Буцзюэ окликнул его. Великий демон-почтенный, в котором не было ни трёх голов, ни клыков, медленно произнёс:

— Молодой господин, не сочтёте ли за труд узнать у того торговца, почём та серебряная шпилька?

Он узнал его...

Оуян Тин понимал, что это намеренная издевка, но разве смел он отказать? Выведав цену, он, пересилив дрожь в коленях, подошёл к самой повозке.

— Три ляна серебра, — выдавил он, не смея поднять глаз.

Пэй Буцзюэ бросил ему в руки слиток:

— Что ж, купи её для меня.

Никогда прежде три ляна не казались Оуян Тину столь тяжёлыми. Завершив сделку, он снова вернулся к экипажу и протянул серебряную шпильку с необычным узором и крохотной алой

бусиной на конце.

Однако мужчина не спешил её забирать.

Заклинатель долго стоял с протянутой рукой, чувствуя, как по щекам стекает холодный пот. Наконец, решив, что терять всё равно нечего, он вскинул голову и встретился взглядом с демоном. Тот смотрел на него, храня насмешливое молчание.

Лишь спустя время Пэй Буцзюэ милостиво принял шпильку.

Он обернулся и поманил кого-то рукой. Тотчас за жемчужной завесой показалось лицо Дуань Иньхэ.

Бессмертный господин, холодный и чистый, точно журавль, послушно склонил голову, позволяя Пэй Буцзюэ вколоть недорогое украшение в свои волосы.

Убрав руку, Пэй Буцзюэ лениво повернулся к Оуян Тину и вкрадчиво спросил:

— Слышал я, Дуань Иньхэ дважды спасал тебе жизнь?

Тот оцепенело кивнул.

— Как думаешь, сумеет ли он спасти тебя в третий раз?

Вопрос, брошенный с такой лёгкостью, заставил ноги юноши подкоситься — он с глухим стуком рухнул на колени.

Но спас его голос Дуань Иньхэ.

— Почтенный, позвольте мне сказать ему лишь слово, — тихо проговорил он.

Пэй Буцзюэ с усмешкой взглянул на Оуян Тина и отстранился. Дуань Иньхэ кончиками пальцев отодвинул занавесь и, глядя на распростёртого в пыли человека, негромко произнёс:

— Брат Оуян... Если я стал сосудом, неужто я перестал быть Дуань Иньхэ?

Он не ждал ответа. Покачав головой, он добавил, глядя на дрожащего от страха заклинателя:

— Но ты... сейчас ты ничем не отличаешься от ничтожного сосуда, готового на всё ради спасения.

Завеса опустилась. Повозка тронулась с места, оставляя коленапреклонённого человека далеко позади.

Внутри экипажа Дуань Иньхэ наблюдал, как Пэй Буцзюэ неспешно разливает согретое вино. Затем демон молча достал из боковой ниши шахматную доску и мешочки с камнями, расставив их между ними.

Его белые пальцы сжали чёрный камень и уверенно опустили на доску. Бессмертный господин, помедлив, взял белые камни, принимая вызов.

К его удивлению, Пэй Буцзюэ играл стремительно. Едва Дуань Иньхэ делал ход, как сухой стук чёрного камня о нефрит раздавался следом. Юноше пришлось сосредоточить всё своё внимание, чтобы не дать противнику сбить себя с ритма.

Чаши наполнились вином, за окном замирал утренний иней. Повозка тихо катилась по дороге, а двое, только что устроившие резню в Дунли, теперь преспокойно сидели при свете неяркой лампы, коротая время за игрой и наблюдая, как с фитиля осыпаются искры.

Демон-почтенный сохранял полное спокойствие; в минуты раздумий собеседника он небрежно поигрывал веером, но каждый его ход был безупречен и точен.

Его длинные, изящные пальцы, опуская камень, всякий раз как бы случайно касались ладони Дуань Иньхэ, отчего тот на миг замирал, не решаясь сделать следующий ход.

Бессмертный господин, снедаемый смутным волнением, поджал губы и заставил себя сосредоточиться на напряжённой позиции на доске. Внезапно Пэй Буцзюэ с улыбкой спросил:

— Тебе нравится мой подарок?

Тот, всё ещё поглощённый раздумьями о партии, честно кивнул:

— Красивая шпилька. Мне нравится.

Пэй Буцзюэ приподнял бровь и вкрадчиво добавил:

— А я? Я тебе нравлюсь?

— Нравишься.

Слова сорвались с губ прежде, чем бессмертный господин осознал, на какой именно вопрос ответил. Рука дрогнула, и камень опустился совсем не туда, куда следовало. Пэй Буцзюэ, не медля ни секунды, нанёс решающий удар — чёрный камень ворвался в опасную зону, захватывая преимущество. Партия была окончена.

Губы Пэй Буцзюэ тронула усмешка. Он сложил веер и неспешно приподнял подбородок собеседника, глядя ему в глаза с лукавым торжеством:

— Бессмертный господин, один неверный ход — и вся партия прахом.

Дуань Иньхэ вскинул голову. Его губы невольно приоткрылись, а ворот слегка соскользнул, обнажая на бледной шее крохотную родинку. Она удивительно гармонировала с серебряной шпилькой в волосах, украшенной такой же алой бусиной.

Он замер, не зная, что ответить, и лишь обречённо опустил взор.

Пэй Буцзюэ тихо рассмеялся и нарочито обиженно протянул:

— Но почему ты не сказал, что я тоже красив? Неужто я дурен собой?

Он улыбнулся, и его холодный взгляд тотчас наполнился нежностью. Дуань Иньхэ не пил вина, но почувствовал себя совершенно пьяным.

Помолчав, он едва слышно прошептал:

— Ты тоже... очень красивый.

А затем, с тихой досадой, невольно пожаловался:

— Как же вы... победили нечестно.

Демон-почтенный убрал руку и принялся один за другим собирать разбросанные по доске камни. Его длинные ресницы подрагивали, а во взгляде читалось нечто такое, чего Дуань Иньхэ не мог понять.

— Даже если бы ты играл всерьёз, тебе меня не одолеть, — отрезал Пэй Буцзюэ.

С этими словами он взял юношу за руку и мягко коснулся его ладони. Когда тот раскрыл ладонь, в неё посыпались согретые теплом чужого тела белые камни.

Дуань Иньхэ не удержался от вопроса:

— Почему вы так сильны в быстрой игре?

— Потому что, когда мне скучно, я обычно играю сам с собой.

Пэй Буцзюэ ответил небрежно, явно не желая продолжать разговор. Юноша понял это и больше не расспрашивал, лишь молча возвращая камни в мешочек.

Убирая последний камень, всё ещё хранивший тепло ладони демона-почтенного, он помедлил, а затем, после долгого молчания, признался самому себе.

«На самом деле... это были искренние слова»

Дуань Иньхэ ещё не до конца понимал, можно ли назвать трепет его сердца «любовью», но он точно знал: его чувства к этому человеку изменились бесповоротно.

Ему было приятно касание Пэй Буцзюэ, он не мог забыть, как тот закрывал его собой от врагов, и больше всего на свете он хотел когда-нибудь снова взять в руки меч, чтобы защитить его в ответ.

Но слова застряли в горле. Он чувствовал, что сейчас не имеет права говорить об этом вслух.

Сглотнув, бессмертный господин попытался оправдаться, чтобы скрыть смущение:

— Насчёт Оуян Тина... нас правда ничего не связывает. Он просто восхищается теми, кто сильнее его, на самом деле...

Но Пэй Буцзюэ мягко перебил его.

— Я знаю.

Демон улыбнулся и, протянув руку, коснулся покрасневшего уголка глаза юноши.

— О том, что ты полюбил меня... я знаю.

Голос его стал совсем тихим:

— И это хорошо. Продолжай любить меня и дальше, понимаешь?

Пэй Буцзюэ лукаво сощурился, но от его слов Дуань Иньхэ окончательно потерял дар речи.

Он неуклюже кивнул, показывая, что услышал, и поспешно опустил голову, в смятении принимаясь за уборку шахматной доски.

Стук гладких камней в мешочке напоминал нестройный ритм его собственного сердца — в нём сплелись тысячи тревог и бесконечное волнение.

Потому он и не заметил, какой глубокий, двусмысленный подтекст скрывался за нежным голосом Пэй Буцзюэ.

...Когда же он наконец всё поймет, будет уже слишком поздно.

<http://bllate.org/book/15843/1439483>